

ИДЕЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Статья посвящена антропомерности современной науки, её вниманию к когнитивной активности человека и тем новым концептуальным и методологическим акцентам, которые вносятся этими характеристиками научного развития в изучение научных объектов. Особое внимание в статье уделяется сложному феномену текста.

Ключевые слова: субъектность, текст, антропоцентрический, когнитивный, интерпретативный, сложный

Щирова І.О. Ідея суб'єктивності в сучасній науці. Стаття присвячена антропомірності сучасної науки, її увазі до когнітивної активності людини і тим новим концептуальним і методологічним акцентам, які вносяться цими характеристиками наукового розвитку у вивчення наукових об'єктів. Особливу увагу в статті приділяється складному феномену «текст».

Ключові слова: суб'єктність, текст, антропоцентричний, когнітивний, інтерпретативний, складний

Schirova I.A. The idea of subjectivity in modern science. The article dwells on the anthropocentric nature of modern science, its attention to the human cognitive activity and those new conceptual and methodological emphases, which are made by these characteristics of modern scientific development in the study of scientific objects. Special attention is paid to a complex phenomenon of text.

Key words: subjectivity, text, anthropocentric, cognitive, interpretative, complex

Проблема текста, под которым в широком смысле слова понимается связанная и полная последовательность знаков, обретает особую актуальность во второй половине XX века. Гуманитарная мысль этого времени, объявив антропоцентризм и диалогизм фундаментальными философскими категориями, а производство и потребление знания - принципиально важными факторами для понимания многообразных проявлений текстовой сущности, обращается к вопросам смыслопорождения и трансформации значения в тексте как знаковом макрообразовании. Внимание к «одарённому смыслом» (К. Бэр) человеку определяет акценты в этих описаниях: от анализа линейной организации текста исследователи переходят к анализу сукцессивно-симультанных отношений текстовых элементов и осмыслению текста как многомерного смыслового пространства. Лингвистика текста, заявляющая текст самостоятельным объектом изучения, эволюционирует от исходных формальных устремлений к когнитивно-коммуникативным моделям текста.

Несмотря на априорное существование исходных знаний, необходимых исследователю для последующих рассуждений, научная картина мира в ходе эволюции науки закономерно подвергается изменениям. Если воспользоваться фразеологией Т. Куна, можно сказать, что характер «понятийной сетки» современной науки во многом обусловлен антропологическим поворотом в осмыслении мира. «Господство принципов а н т р о п о ц е н т р и з м а, пишет Е.С. Кубрякова, роднит лингвистику со многими другими областями знания, ибо интерес к человеку, как центру вселенной и человеческим потребностям как определяющим разные типы человеческой деятельности знаменует переориентацию, наблюдаемую во многих фундаментальных науках: в физике это признание позиции наблюдателя, в литературоведении – обращение к образам автора и читателя в их разных ипостасях, в мегаэкологии – внимание ко всем проблемам окружающей среды и к достижению известной гармонии во взаимодействии человека с природой и т.д.» [Кубрякова 1995, с. 212]. В контексте общих процессов «очеловечивания человека» (И. Пригожин) - индивидуализации его сознания и формирования личности рассматривается и появление когнитивистики, занимающейся жизненно важными для человека проблемами познания. Фундаментальная важность факта производства и потребления знания акцентируется по отношению к широкому кругу явлений. В их числе называются когнитивная теория биологической эволюции и когнитивная психология, когнитивный подход к теории культуры и когнитивная наука в целом, наконец, «растущее понимание того, что само успешное функционирование современного демократического мышления предполагает рациональное обоснование принимаемых решений, культуру рефлексии и критической дискуссии» [Лекторский 2001, с. 6]. Человек и его взаимодействие с миром изучаются с точки зрения

информационных процессов, сам же информационный подход объявляется ведущей методологией когнитивистики. Для решения сложных вопросов приобретения, преобразования, репрезентирования, хранения и воспроизведения информации когнитивистика объединяет исследователей познания в области философии, лингвистики, литературоведения и поэтики, психологии и нейрофизиологии, антропологии и прочих гуманитарных наук, демонстрируя действенность междисциплинарных подходов [Баксанский, Кучер 2007, с. 85]. Развитие междисциплинарных подходов и возникновение научных союзов отчасти объясняется сложной природой человеческого разума. Разум – «одно из самых сложных понятий науки вообще» [Кубрякова 1996, с. 153] представляет собой настолько сложный объект познания, что изучение его не может быть ограничено рамками одной дисциплины.

Генезис и методология когнитивистики, её основные дефиниции и модели, когнитивно-синергетический подход и нейролингвистическое программирование как его социальная практика подробно анализируются в работах О.Е. Баксанского с соавторами. Результатом анализа становится вычленение установочных принципов, релевантных для всех когнитивных наук в силу разделяемой ими междисциплинарности. К базовым принципам когнитивных наук на современном этапе их развития относятся: 1) репрезентация знаний как центральное понятие; поведение человека определяется не столько объективной реальностью, сколько реальностью для субъекта; 2) моделирование как познавательный механизм; реальность познаётся не путём отражения значимых объектов и их связей, а посредством конструирования субъективно полезных моделей реальности, фиксирующих контекстуально-значимые элементы; 3) использование метафор, передающих в доступной форме суть моделируемого объекта, например, компьютерных метафор для моделирования функционирования мозга человека; 4) исследование объектов с точки зрения их структуры; когнитивная сфера трактуется как динамическая структура обработки информации; в качестве когнитивных структур традиционно выделяются репрезентации, фреймы, скрипты и сценарии; 5) исследование взаимодействия человека с реальностью с точки зрения экологической адекватности; поведение человека в мире рассматривается не как «правильное-неправильное», а как полезное или вредное для социально-биологического организма, «включённого в систему контуров обратной связи»; 6) понимание человеческого фактора как познавательной и активно адаптирующейся к среде открытой системы; биологические, психологические и культурные феномены анализируются сквозь призму субъективности человека и его главной характеристики - способности мыслить; считается, что выживание и адекватное поведение человека обеспечивается постоянной «настройкой» им своей системы на изменение параметров внешней и внутренней среды; 7) понимание истинности знаний как адаптивной (эвристической) полезности; истинное признаётся системой гипотез, лучших из доступных на данном этапе историко-культурного развития; 8) привлечение данных из ряда конкретно-научных областей знания и игнорирование дисциплинарных барьеров; 9) признание информационного подхода ведущей методологией когнитивных наук; человек понимается как мыслящая система в мире информации [Баксанский, Кучер 2004, с. 50; 53; 54; 2007, с. 97 – 99]. Те же авторы систематизируют и коррелирующие с изложенными принципами методологические основания современной науки, касающиеся не только когнитивной психологии, к которой они непосредственно относятся, но и общих тенденций научного развития. В число упомянутых методологических оснований включаются концепция научного знания К. Поппера, модель развития науки Т. Куна, модель научного знания И. Лакатоса, теория личностного знания Майкла Полани, «анархистская эпистемология» П.К. Фейерабенда, концепция автопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы, концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана и пр. [Баксанский, Кучер 2007, с. 10 – 53].

Сформулированные научные принципы и методологические основания со всей очевидностью фокусируются на *идее субъектности*, которая становится базой для переосмысления глобальных вопросов соотношения мышления и языка в XX веке. Обретая

«человеческое измерение», наука постулирует пристрастность и избирательность познания мира субъектом, чьё поведение трактуется ею как детерминируемое не столько реальностью, сколько её субъективным видением. Субъектность стилей мышления во многом объясняет и легализует сосуществование на едином интеллектуальном пространстве разных, порою взаимоисключающих теоретических и методологических подходов к научным проблемам. Так, авторы современных рецептивистских и постструктуралистских концепций текста нередко гипертрофируют значимость интерпретатора в процессе его осмысления: интерпретатор, по их мнению, не декодирует (извлекает и пр.) смысл из текста, а вкладывает его в текст. Согласно Р. Рорти, интерпретатор придаёт тексту ту форму, которая отвечает его цели, использует (uses) текст, не заботясь о соответствии интерпретации интерпретируемому объекту (*fidelity to the object described*) [Rorty 1996, p. 92]. Иное видение проблемы содержится в семиотических теориях интерпретативного сотрудничества, более гибко оценивающих роль автора, текста и читателя в литературной коммуникации (*the dialectics between the intention of the reader and the intention of the text*). Прежде чем извлекать из текста личностные смыслы и тем самым соблюдать «собственные права», считает У. Эко, интерпретатор должен принять во внимание «права» (интенцию) текста, которая, в конечном счете, совпадает с интенцией образцового автора (Ср. “<...> the initiative of the model reader consists in figuring out a model author that is <...>, in the end, coincides with the intention of the text” [Eco 1996, p. 65]).

Несмотря на подобные расхождения, в широкой исторической перспективе литературно-критическая мысль отказывается от идеи пассивной реконструкции авторских смыслов литературного произведения как «самодовлеющего феномена» в пользу идеи их активного конструирования интерпретатором-соавтором. Базой для подобной трансформации представлений становится вышеупомянутое переключение научных интересов в сферу антропоцентризма, диалогизма и коммуникативных начал. Текст не трактуется больше как самодостаточная реальность. Если в эпоху структурной лингвистики исследователь абстрагировался от ситуаций текстопорождения и текстовосприятия, не реконструируя их в качестве детерминантов текстового смысла, то сегодня автономный статус текста отрицается: в тексте обнаруживают специфический акт коммуникации, а актуализация текстового смысла в сознании реципиента называется важнейшим условием формирования «жизненного» пространства текста. Отказ от абсолютизации структурного начала фокусирует внимание не на формирующих текст знаковых последовательностях, а на знаниях, создающих основу для их интерпретации и ассоциирующихся с когнитивной деятельностью коммуникантов (Ср. *word-sequence meaning vs. utterer's meaning, utterance meaning* и *ludic meaning* у Дж. Левинсона [Levinson 2004, p. 291]). Причиной индивидуального характера заполнения смысловых лакун в структуре текста называется своеобразие опыта, который обретает интерпретатор в процессе интериоризации реальной и художественной действительности. Таким образом, хотя, как и любая сложная теоретическая проблема, ключевая проблема значения и смысла текста находит разные решения, они, как правило, оказываются созвучными фундаментальному тезису о человекомерности современной науки.

Важно подчеркнуть и следующее. Интериоризируемое знание представляется сегодня как диалог познающего и познаваемого. Проблематизация отношения к миру и к «Я» как его части ставится в зависимость от *Другого* – носителя индивидуального, группового или общественного сознания. С одной стороны, возрастает когнитивный статус художественного текста как индивидуально-авторского варианта концептуализации мира. Текст в этом статусе признается действенным способом убеждения в правомерности авторской ценностной позиции, средством вторжения в когнитивную систему читателя с целью её модификации в аналогичном авторскому ценностном направлении. Сошлёмся на М.М. Бахтина: «Эстетический объект никогда не дан как готовая, конкретно наличествующая вещь. Он всегда задан как и н т е н ц и я, как направленность художественно творческой работы и художественно-сотворческого созерцания» [Бахтин 2000 (а), с. 502 – 503]. С другой стороны,

інтерпретація тексту як «возобновляема комунікація» (Ю. Хабермас) також несе в собі активне, дійснене початок: актуалізуючи і «проживаючи» моделювану в тексті віртуальну ситуацію адресат отримує новий досвід пізнання і самопізнання.

Антропологічний поворот сучасної науки охоплює великі області філологічного досвіду, стосуючись до сфери вивчення тексту. Їх формують не тільки дисципліни, уходячі корнями вглиб віків, наприклад, поезика, стилістика або риторика, але і порівняно недавно з'явилася лінгвістика тексту. Со всією очевидністю значимість людського фактора експліцирується в нових напрямках текстових досліджень, знаходячись під «зонтиком» когнітивістики, наприклад, в когнітивній поезії або когнітивному літературознавстві. «Абсолютний антропоцентризм» художнього тексту представляє закономірний інтерес для сучасних «наук про текст», активно обговорюючи онтологію літератури і природу фікціональності, співвідношення літератури і знання, когнітивний статус тексту і суб'єктів-соавторів, їх внесок у конструювання текстового значення. Многочисленні відповіді отримують питання про ступінь креативності цих суб'єктів, про систему авторських цінностей, зафіксованої в тексті і її мовних маркерах. Досліджуються творчі стратегії, направлені на впровадження цієї системи в когнітивну систему читача і забезпечуючі скорочення тієї дистанції між комунікантами, яка передбачається різницею їх досвіду, отриманого в процесі освоєння світу: несумпадінням мовних і соціальних конвенцій, здатності співвідносити когнітивні структури з мовними структурами, масштабів інтертекстуальних енциклопедій і пр.

Сьогодні в тексті виявляють:

1) абсолютно антропоцентричне формування, багатовимірність і неоднозначність трактувань якого обумовлені, в числі інших причин, складністю людини, породжуючого текст, сприймаючого текст або зображеного в тексті;

2) формування когнітивних структур - репрезентацій, фреймів, сценаріїв і скриптів, вивчення яких дозволяє описати інформаційні процеси в психіці людини і представити сферу когніції як динамічну структуру обробки інформації;

3) сукупність конститутивних властивостей (категорій), не імманентно присущих тексту як автономної, самодостатньої структури, а детермінуємих рецептивної ситуацією;

4) компонент абстрактної комунікативної ситуації, формуючої не реальними, а ментальними гіпотетичними конструктами, дозволяючими конструювати суб'єктивно корисні моделі реальності;

5) спосіб об'єктивної індивідуально-авторської картини світу як концептуальної системи, надаючої можливість інтерпретатору-досліднику робити висновки про своєобразі сприйняття, пізнання і оцінки художнього і реального світу креативним суб'єктом;

6) концептуально-тематичний інформаційний комплекс, розуміння і трактування якого не зводиться до розшифровування, а вимагає активної мислительної діяльності творця-читача і апеляції до сукупного знання про світ, в тому числі за допомогою соціо-культурної контекстуалізації тексту;

7) засіб спілкування мовних особистостей автора і читача, кожна з яких володіє суб'єктивним баченням об'єктивного світу і відрізняється формуючими це бачення значеннями і цінностями;

8) засіб впливу на когнітивну систему адресата з метою його переконання в обґрунтованості власного (авторського) світобачення і світооцінки;

9) можливий світ, істинність якого релевантна лише по відношенню до нього самого. Це бачення «істинності тексту» корелює з прагматизацією і суб'єктивізацією наукової істинності і виходить з евристичної корисності наукового знання (Ср. принцип

фальсифікації К. Поппера або радикальний в своїй основі епістемологічний анархізм П. Фейерабенда і його знаменитий методологічний принцип *anything goes*);

10) результат процесу текстопородження, знаходячись з цим процесом в відносинах доповнителності і пр.

Описання художественного тексту як наукового об'єкта детермінується різними факторами. В їх числі оправданно назвати концептуальні і методологічні установки наукового соціуму і культурні цінності соціуму, в умовах якого працює дослідник і розвиваються наука і література як частини культури. Акцентуючи інтерпретируючий характер пізнання, когнітивно-дискурсивна парадигма змушує бачити в художественному тексті людиномірне і складне явище. Ці характеристики тексту коррелюють з людиномірністю і складністю сучасної науки і сучасного світу. В осмислення природи тексту вовлекаються поняття, реалізуючі ідею суб'єкта: *антропотекст, суб'єкт і людина, інтенціональність і інтенція, розуміння і інтерпретація, інтерпретативна програма і інтерпретативна стратегія* і пр. Суб'єктні стилі гуманітарного мислення, допомагаючи лінгвісту виробляти нове знання про світ, трактує це знання як засіб орієнтації людини в швидко змінюючихся складних життєвих умовах, формують по відношенню до нього дійсний дослідницький статус. Складність тексту і переключення дослідницьких інтересів до об'єктів пізнання на суб'єкт прогнозує інтелектуальну толерантність: природа тексту знаходить найрізноманітніші прочтения, однак, будь-яке з них «вимірює» не інтересувало дослідника, і будь-які методи не привабливі для його вивчення, сучасні науки про текст зберігають свою людиномірність.

Література

- Баксанський О.Е., Кучер Е.Н. Когнітивно-синергетическа парадигма НЛП. Від пізнання до дії. / О.Е. Баксанський, Е.Н. Кучер – М.: Редакція УРСС, 2007. – 184 с. Баксанський О.Е., Кучер Е.Н. Образ світу: когнітивний підхід. / О.Е. Баксанський, Е.Н. Кучер – М.: Альтекс, 2000. – 108 с. Бахтін, М.М. Фрейдизм. Формальний метод в літературознавстві. Марксизм і філософія мови. Статті. / М.М. Бахтін. – М.: Лабіринт, 2000. – 640 с. (а) Кубрякова Е. С. Еволюція лінгвістических ідей во второй половині ХХ століття (спроба парадигмального аналізу) / Е.С. Кубрякова // Мова і наука кінця ХХ століття. М.: Інститут мовознавства РАН, 1995. – С. 144 – 238. Лекторський В.А. Епістемологія класическа і некласическа. / В.А. Лекторський. – М.: УРСС, 2001. Щирова І.А., Тураєва З.Я. Текст і інтерпретація: погляди, концепції, школи. / І.А. Щирова, З.Я. Тураєва. – СПб.: Вид-во РГПУ ім. А.І. Герцена, 2005. Eco U. Overinterpreting Texts / U. Eco // Interpretation and Overinterpretation. Umberto Eco with Richard Rorty, Jonathan Culler and Christine Brooke-Rose. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. Levinson J. Intention and Interpretation / J. Levinson // Philosophy of Literature. Contemporary and Classic Readings. An Anthology. Oxford: Blackwell, 2007. P. 291 – 300. Rorty R. The Pragmatist's Theory / R. Rorty // Interpretation and Overinterpretation. Umberto Eco with Richard Rorty, Jonathan Culler and Christine Brooke-Rose Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 89 – 108